

Марк Шагал — читатель Библии

«С ранней юности я был очарован Библией. Мне всегда казалось, и кажется сейчас, что эта книга является самым большим источником поэзии всех времен. С давних пор я ищу ее отражение в жизни и искусстве. Библия подобна природе, и эту тайну я пытаюсь передать». Так писал Марк Шагал в 1973 г. в каталоге, изданном к открытию музея «Библейское послание» в Ницце.

Библейским посланием можно назвать все творчество Шагала, потому что он не просто обращался к сюжетам Библии, как это делают обычно художники, он был библейским человеком, был пронизан духом Торы, смотрел на мир с точки зрения Божественного Откровения. Шагал воспринимал Библию как книгу жизни, в которой, несомненно, вписана и его жизнь и жизнь всех, кого он любил. Он познакомился с Библией в детстве, можно сказать, он впитал ее с молоком матери.

Марк Шагал родился на окраине Витебска, где было еврейское поселение, и евреи здесь жили большими патриархальными семьями, в которых свято соблюдались все традиции. Его семья — деды, дядья, отец постоянно читали и толковали Тору, ходили в синагогу, справляли еврейские праздники. Мать и тетки по субботам зажигали свечи, читали субботние молитвы. Из уст мудрых стариков он часто слушал хассидские притчи, библейские истории, древние песнопения. Традиционное еврейское образование, собственно, и заключалось в изучении Торы. Шагал тоже ходил учиться к раввину (он посещал даже трех раввинов), он очень рано стал читать Писание. Покинув Витебск, он унес этот мир в своем сердце и всю свою жизнь пытался выразить его в искусстве. Пророки на его картинах очень похожи на старых евреев из российских местечек, а воздух пропитан ощущением чуда, и там, и тут изображаются свитки Торы, семисвечник, талит и другие опознавательные знаки библейского космоса.

Библейские сюжеты у Шагала встречаются уже в раннем творчестве, в 1910-20 х гг. (Например, «Адам и Ева» 1910 г., «Каин и Авель» 1911 г.), но это были лишь отдельные мотивы, но как он сам потом напишет, «тогда я не видел Библию, а лишь мечтал о ней». Только в 30-х гг. он приступил серьезно к разработке серии гравюр на библейские темы. Известный парижский издатель Амбуаз Воллар предложил ему сделать иллюстрации к Библии. Шагал отнесся к этой работе очень серьезно и ответственно, он отправился в Палестину, на родину предков, чтобы самому пройти по местам, описанным в Книге книг. К впечатлениям детства прибавились теперь впечатления от Святой Земли, которую

Шагал обследовал с большим интересом. Гравюры и рисунки, родившиеся в результате этой поездки, легли в основу фундаментальной серии под названием «Библейское послание». Война прервала эту работу, но в 50-х гг. Шагал вернулся к библейской серии и она значительно расширилась. Если в первый период он делал лишь черно-белые рисунки, гравюры и офорты, то во втором преобладали уже цветные листы. В 1956 г. Библия с иллюстрациями Шагала вышла в свет, в нее вошли 105 гравюр. В 1960 г. в журнале «Верв» были опубликованы еще 96 черно-белых и 24 цветные литографии к Библии. Дважды библейская серия экспонировалась в Париже — в 1956 г. и 1960 г., обе выставки имели колоссальный успех. И чем больше художник работал над этой темой, тем больше она увлекала его. Стали появляться картины маслом, расписная керамика. В 1950-60х годах Марк Шагал увлекся витражом. И снова библейская тема стала ведущей. Он делает витражи в ряде соборов Европы и Америке, в синагоге в Иерусалиме. В 1973 г. по инициативе Маларме, который был в то время министром культуры Франции, в Ницце открывается музей работ Шагала, который получает названием «Библейское послание». Тем самым даже общественность определяет библейскую тему в его творчестве как ведущую. Это тем более интересно, что 70-е гг. в Европе общество совсем далеко от духовных поисков, от религии, от Библии. И это буржуазное общество, которое склонно было скорее увлекаться левыми идеями, с восторгом принимало Шагала, сумевшего силой своего гения привлечь внимание к библейской теме.

Почему свои работы Шагал называл библейским посланием? Потому что они были именно посланием, вестью, пророчеством. Библия во все времена была сокровищницей сюжетов для художников, но у Шагала все его работы не иллюстрация к Св. Писанию, а его переложение на язык живописи, он словно говорит изнутри Библии, он — один из пророков Божьих. Художник был уверен, что Бог избрал его, чтобы он сказал людям о красоте и смысле жизни, о любви и смерти, о Творце мира и путях спасения. Для этого Господь вывел его из еврейского местечка и послал в мир, дал в руки кисть, хотя традиционно евреи избегают изображений, поскольку Сам Бог принципиально неизобразим. Но Шагал вопреки запретам стал художником, потому что был уверен: его произведения «воплощают не мечту не одного народа, а мечту всего человечества».

Все пророки знали, как трудно перевести Божественный Глагол на язык человеческий, поэтому их речь была косноязычна, как у Моисея, или они говорили притчами и загадками как Соломон, они избирали язык высокой поэзии и образности как Давид, или говорили от первого лица как Исая и Иеремия. Язык Шагала тоже предельно образный, он бывает порой косноязычен, часто прибегает к притчам, иносказаниям, символам. Но в отличие от книжного слова язык живописи не требует перевода с

человеческого на человеческий (переводчики знают, сколько при таком переводе теряется!), ибо адресуется не столько к разуму, сколько к сердцу человека, в котором живет жажда встречи с Богом.

Марк Шагал был мудр как древние пророки и при этом сохранил до старости детский восторг перед жизнью. О его искусстве много спорят, его стиль определяют по-разному: одни считают его заумным модернистом, другие, напротив, наивным и близким к народным корням. Одни восторгаются его смелым новаторством, отмечают черты сходства с современниками, другие отмечают его глубокую традиционность, связь с древней еврейской культурой. Исследователи долго еще будут спорить о своеобразии шагаловского искусства, но ключ, который открывает тайну образного мира Шагала — это Библия.

Марк Шагал прожил долгую жизнь — родился в 1878 г., умер в 1985 г. — почти сто лет. На фоне нашего века, когда люди часто умирают молодыми, он воспринимается таким долгожителем как библейские патриархи. И каждый день его жизни был наполнен напряженным творческим трудом, до самой старости он не выпускал кисть из рук. И до последнего вздоха художника не покидало ощущение чуда, происходящего с ним и вокруг него. Он был явно из числа избранных Богом. Ему выпало жить в эпоху кровавых революций и мировых войн, но он не только не затерялся в мясорубке истории, но пережил все возможные катаклизмы — личные и мировые, осуществился как великий художник, и при жизни был увенчан славой. Он работал во многих странах мира, создал огромную галерею картин, рисунков, гравюр, витражей, писал стихи и прозу. Сын бедного еврея из местечка, стал всемирно известным художником. И сегодня три страны претендуют на то, чтобы назвать его своим. Евреи гордятся Шагалом как национальным гением, делая для него исключение, ведь религиозная культура иудаизма осторожно относится к изобразительному искусству, а он умудрялся изображать не только людей и ангелов, но даже Бога. Во всех французских энциклопедиях Марк Шагал значится как великий французский художник XX века, национальная гордость Франции. Здесь художник прожил большую часть жизни, здесь получил мировое признание. Россия гордится Шагалом, потому что он здесь родился и всю жизнь мечтал сюда вернуться. Правда, в Россию слава Шагала пришла с некоторым опозданием. Он был признан только в 1970-е гг, когда его жизнь клонилась к закату.

Марк Шагал уехал из советской России в 1922 г., он быстро понял, что советская власть и свободное творчество несовместимы. И был прав: сколько талантливых художников здесь умерли с голода, погибли в нищете и в забвении, были брошены в тюрьмы или расстреляны, а выжившие вынуждены были приспособиваться, наступая

«на горло собственной песне». К тому же «новой» России Библия не была нужна, она изгонялась не только из искусства, но и из всех сфер жизни, а расстаться с Библией для Шагала значило расстаться с жизнью.

Правда, Шагал тоже не избежал увлечения революцией, один год он служил в родном Витебске комиссаром искусств. Но и здесь он проявил себя неожиданно, талантливо и пророчески. К первой годовщине Октября он разукрасил город так, что даже привыкшие к левым выходкам комиссары были шокированы — на плакатах, украшавших здания, и тех, что несли рабочие на демонстрации, Шагал изобразил крылатых коров, белоснежных ангелов и летающие по небу влюбленных. Все это для Шагала было символом новой жизни, он своеобразно воспринимал революцию: если уж речь идет о свободе, то свободу нужно дать всему и всем, свободу от всего косного, тяжелого, земного и распахнуть небо. Разразился скандал, и Шагала сняли с комиссарского поста. Конечно, такой художник не вписывался в парадигму тоталитарного искусства, которое вскоре вытеснило любое другое искусство с одной шестой части земли. Но Шагалу невозможно было обрезать крылья, и он упорхнул из России, чтобы обживать другие небеса.

Мотив полета в его картинах едва ли не основной. У Шагала летают не только ангелы и влюбленные, взмывают в небо петухи и коровы, даже часы он рисует с крыльями — это символ то ли быстролетящего времени, то ли окрыленной жизни. Состояние полета — это состояние любви и свободы, влюбленный человек не может не летать. А любовь пришла к нему в 22 года, когда он познакомился с Бэллой Розенфельд, которая стала его женой. Любовь молодого художника и красавицы Бэллы можно описать только стихами из «Песни песней»:

О ты прекрасна, возлюбленная моя,
ты прекрасна!
глаза твои голубиные
под кудрями твоим;
волосы твои — как стадо коз,
сходящих с горы Галаадский... (4:1)

Положи меня, как печать, на сердце твое,
как перстень на руку твою;
ибо крепка как смерть любовь,
люта, как пресподняя, ревность;
стрелы любви — стрелы огненные,
она пламень весьма сильный.
Большие воды не могут потушить любви,
и реки не зальют ее. (8:6-7)

«Песня песней», наверное, любимая книга Библии для Шагала, потому что любовью пронизаны все его произведения. Любовь сопровождала его на протяжении всей жизни. Когда Бэллы не стало (она умерла в 1944 г., когда они жили в Нью-Йорке), жизнь, кажется, оборвалась. Но счастье вновь улыбнулось ему (ведь он Божий избранник!), в 1952 г. Шагал встретил Валентину Бродскую, которую он называл ласково Вавой, и она до конца его дней была рядом с ним. И кто знает, если бы не эти женщины, была ли такой долгой и творчески насыщенной его жизнь? На многих картинах художника мы видим проплывающую в небесах красавицу-невесту в подвенечном уборе — это и Бэлла, и Вава, и возлюбленная из «Песни песней».

Пленила ты сердце мое, сестра моя, невеста;
Пленила ты сердце мое одним взглядом очей твоих,
О, как любезны ласки твои, сестра моя, невеста!
О, как много ласки твои лучше вина
И благовония твои лучше всех ароматов! (Песн.песн.4:9-10)

Многие сюжеты картин Шагала находят свои параллели в Библии. У него с этой Книгой складывались свои отношения, очень личностные. Библия была для него не только Священным Писанием, это историческая и даже семейная хроника его народа. Библейских персонажей — праотцев, пророков, царей — Шагал воспринимает как своих предков, прадедов. Именно так он обращался к книге Бытия, к пророческим книгам, к книгам Царств, с особой теплотой и любовью он иллюстрировал историю Руфи. И всем его произведениям присуща и глубина, и простота одновременно, высокий духовный накал и при этом — сниженность внешнего пафоса почти до бытовой трактовки сцен.

Несомненно, на его восприятие Библии оказал влияние хасидизм, в котором ставилась задача соединить Св. Писание и жизнь. Благоговение перед Словом Божиим у хасидов не было напряженно-мрачным, оно соединялось с жизнерадостным восприятием откровения. В хасидских притчах всегда есть радость о Боге, Который создал мир и дал человеку возможность радоваться жизни и благодарить Творца за его благость и мудрость. Эта радость передается в улыбке, с которой Шагал порой изображает своих персонажей. Но в Библии много трагического, и жизнь — трагична, об этом тоже напоминают хасидские притчи. И у Шагала есть слезы, драматизм и даже трагический пафос. Нет у него только ложного пафоса и нет напускнуго благочестия. «Жизнь должна плакать и смеяться одновременно», — говорил он. Именно так звучат хасидские нигуны: внутри одной мелодии несколько раз интонация проходит от плача к безудержной радости и вновь возвращается к плачу, а потом к радости. И у Шагала мы встречаем такой же широкий спектр эмоций, который сразу передается зрителю.

С каким юмором он изображает, как Мелхола спасет Давида, выпрыгивающего из ее окна. Вызывает улыбку и битва Иакова с Ангелом, которые очень похожи на подростков, затеявших борьбу на деревенской улице.

А вот его Иов, пророк Иоиль, Моисей драматичны и даже трагичны. Как и Авраам, оплакивающий Сарру: праотец закрыл лицо рукой и застыл над телом жены, лежащей на смертном одре. Шагал тоже пережил смерть любимой жены, к тому горе Авраама он воспринимает, как горе близкого родственника.

Неожиданно выглядит офорт «Жертвоприношение Ноя». Ной распростерт на земле перед пылающим костром, на дровах лежат два агнца, принесенные им Богу. Здесь соединяются как бы несколько мотивов — это и предчувствие жертвоприношения Авраама, которого Бог остановил в последний момент, заменив Исаака агнцем, и молитвы Моисея перед неопалимой купиной. В одном библейском сюжете Шагал видит отголоски других, потому что вся Библия для него — это книга, в которой Бог общается с человеком во вполне бытовой обстановке, но постоянно побуждает его выйти за пределы обыденного.

В этом ему помогают ангелы, которые в изобилии населяют его картины. Шагал любил изображать ангелов, небесных вестников. Вот ангел летит с большим букетом цветов, вот он венчает влюбленных, вот несет свиток торы. А вот ангелы как расшалившиеся дети спускаются и поднимаются по лестнице, ведущей в небо, рискуя вызвать гнев спящего праотца Иакова. А один из них даже кричит ему в ухо, пытаясь разбудить.

А вот три ангела сидят за столом, и Авраам приносит им угощение. Тема гостеприимства Авраама встречается у Шагала неоднократно — и в графике, и в живописи. Ангелов он рисует всегда повернутыми к зрителю спиной, мы не видим их лиц, в этом элемент тайны небесных вестников. Как можно иначе изобразить Бога, которого смертному дано увидеть только сзади (см. Исх.33:20-23). Но мы видим лицо Авраама, его готовность служить гостям, его удивление и нескрываемый восторг. Позади (или сбоку) стоит Сарра, она погружена в бытовые переживания. Снова соединяются разные пласты бытия — небесное и земное, духовное и бытовое, и точную границу между ними провести невозможно. Собственно и в Библии она проведена лишь пунктиром. Вспомним, как, едва пережив шок от небесного посещения, Авраам начинает препираться с Богом, пытаясь установить оптимальное число праведников, чтобы сохранить Содом, где живет его любимый племянник Лот.

Шагал очень внимательный читатель Библии, он обращает внимание не только на главные эпизоды, но и на незначительные, второстепенного для него в Книге книг нет.

Поэтому и в его гравюрах и картинах мы находим не только сюжеты, которые вошли в мировую библейскую иконографию, но и редко встречающиеся, например, «Давид, убивающий льва, напавшего на стадо», «Авессалом, запутавшийся в ветвях дуба» или совсем неожиданные: «Гробница Рахили», «Пророчество Исаяи о содружестве всех живых существ».

Шагал обладал не только даром художника, но и был незаурядным поэтом. Он писал стихи, в которых библейские темы не менее пронзительны, чем в его картинах. Поэтому ему так близок образ царя и псалмопевца Давида, библейского поэта. Он часто изображал его — то играющим на арфе перед Саулом, то пляшущим пред Богом, а самый удивительный образ — это двойной портрет, где лицо Давида соединено с лицом Вирсавии (гуашь, музей Иерусалим). Это символ нерасторжимой любви. Вот уж тут понимаешь, что значит «двое станут едина плоть».

Даже сюжеты, казалось бы, далекие от Библии у Шагала пронизаны библейским духом. Например, на многих картинах мы видим его родной Витебск, который он рисует предельно просто, но пейзаж приобретает почти эпический размах. Здесь «Бог скрыт в облаках или прячется за домом сапожника», — писал Шагал о Витебске в книге «Моя жизнь». Он любил свой родной Витебск и пронес эту любовь через всю жизнь. Город детства был для него чем-то вроде утраченного рая. На его картинах вокруг Эйфелевой башни (которая, к тому же, и символ вавилонской башни — современной цивилизации) стоят маленькие покосившиеся домики, типичные для еврейского местечка. Такое смешение Парижа и Витебска, Вавилона и Иерусалима, да к тому же увиденное сверху — с птичьего или ангельского полета — очень библейский взгляд.

Шагал уехал из Витебска, когда ему было 33 года. Но мысленно возвращался к нему всю жизнь. В годы войны Витебск сильно пострадал от бомбежек и ему, лежащему в руинах, Марк Шагал написал признание в любви — стихи в прозе, которые вызывают в памяти плач Иеремии над Иерусалимом.

Многие отмечают, что в произведениях Шагала соединяется то, что и помыслить рядом трудно — Эйфелева башня и витебские домишки, крылатые часы и ангелы с букетами, невеста верхом на петухе, корова со скрипкой, Христос распятый в набедренной повязке в виде талита и т.д. Но все это не производит впечатления эклектики или мешанины, потому что все кажущиеся разнородными элементы — это части единого космоса, обретающего цельность в душе художника. В 1928 г. в интервью корреспонденту литовской газеты «Ди идише вельт» Шагал вспоминает эпизод из своей жизни, когда он работал для театра и оформлял спектакли по Шолом-Алейхему: «Лежа на кипе газет в

пустом театре и глядя с пола на потолок, я молил своего прадеда, расписывавшего синагогу, подарить моей кисти хоть единую каплю еврейской подлинности».

Помимо еврейской подлинности для Шагала важна была и мировая культура, в которой также Библия является одним из краеугольных камней. Углубленно Шагал стал изучать искусство в период работы над иллюстрациями к Библии. Но во всей европейской живописи только с Эль Греко и Рембрандтом он нашел внутреннее духовное родство. В 30-е гг. художник совершает поездки в Испанию и Голландию, чтобы увидеть подлинники этих мастеров. Пламенеющий духом Эль Греко был, несомненно, созвучен мистическо чуткой душе Шагала, вибрация цвета на его картинах отчасти напоминает колористические всполохи на полотнах испанского художника, они оба из хаоса творят космос на глаза у зрителя. Душа и того, и другого огненной природы. Конечно, рядом с величественными святыми и благородными грандами Эль Греко персонажи Шагала могут показаться простоватыми и бесхитростными, и здесь ему гораздо ближе Рембрандт, герои которого, как и шагаловские, порой «не имеют ни вида, ни величия». Великий голландец, кстати, также как и его собрат по кисти из Витебска, любил рисовать ангелов. Но эти ангелы крепки и неуклюжи как крестьянские отпрыски, их грубые пятки хорошо видны, когда они удаляются на небо. Рембрандт понимал, что такое «еврейская подлинность», он хорошо знал, как живет еврейское гетто в Амстердаме и других городах Голландии. Он постоянно имел дело с антикварами и ростовщиками, которые в Голландии были, как правило, евреями. Рембрандт, также, как и Шагал, много работал над Библией, всю свою жизнь об обращался к библейским сюжетам. И также читал Библию не только как священную книгу, но как книгу своей жизни, сквозь нее воспринимая все свои трагедии (смерть любимой жены, сына, бедность, пришедшую после славы и богатства, смерть второй жены, разорение, нищету, старость), поэтому и библейских персонажей Рембрандт пишет с себя самого, как автопортрет — таковы Иеремия, апостол Павел. В книге «Моя жизнь» Марк Шагал напишет: «Ни царской России, ни советской я не нужен. Здесь меня не понимают. Зато Рембрандт уж точно меня любит».

Жизнь Марка Шагала, несмотря на то, что он рано узнал славу, не была легким путешествием, в ней были трагедии, испытания, боль. Но при этом все его произведения пронизаны духом любви и благодарности Богу за каждый миг жизни. Именно это отличает его от большинства художников XX века, которые изображали мир в его ужасах, катастрофах и падениях. Жестокий век не располагал к поискам гармонии, художники и философы, писатели и музыканты стремились разъять гармонию на составляющие части, кто в поисках ответа на вопрос о несовершенстве мира, кто в желании из обрывков создать новый мир, непохожий на тот, в котором мы живем. Одни бежали от реальности в

умозрительные абстракции или сюрреалистические фантазии, другие создавали иную реальность, утверждая право художника на самовыражение и свободу творчества. Но Шагал не декларировал свободу, он жил и дышал ей, и он не искал иного мира, потому что любил мир, созданный Богом, и умел видеть его красоту. Эта любовь и эта красота свободно выливались на его полотна. Писание говорит: «где Дух Господень, там свобода», и Шагал был исполнен этого Духа свободы — духа любви.